

ВНЕШНИЙ ЯЗЫКОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ США

© 2014 г. **М.А. Марусенко***

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассматриваются последствия политики языкового империализма, реализуемой США и их англоязычными союзниками, и её влияние на функционирование и статус официальных языков национальных и многонациональных государств.

Ключевые слова: *языковой империализм, империалистический дискурс, глобализация, гегемония английского языка, многоязычие, маргинализация национальных языков, потеря функциональности, мультикультурализм, критика мультикультурализма.*

Современное положение английского (вернее, американо-английского) языка – результат *политики языкового империализма (linguistic imperialism)*, который определяется как культурное доминирование при помощи языка и может быть включён в более общее понятие «культурный империализм». Изначально он применялся к языковой политике колониальных держав, а именно к маргинализации местных языков вплоть до их полного исчезновения. В наше время это понятие расширилось, так как оно означает языковую политику мировой сверхдержавы по отношению ко всем другим языкам.

Определение языкового империализма и согласие (либо наоборот) с этим термином в значительной степени зависят от отношения каждого человека к политической, экономической и военной мощи западных англоязычных государств. Хотя этот термин может применяться к любому языку, чаще всего он относится к английскому.

Термин «языковой империализм» широко употребляется с начала 1990-х годов благодаря книге Р. Филипсона, который определил англоязычный языковой империализм как «*утвердившееся и поддерживаемое истеблишментом доминирование и сохранение структурного и культурного неравенства между английским и другими языками*» [16]. Филипсон проанализировал исторический процесс распространения английского языка в качестве международного и механизмы сохранения его доминирующего положения в постколониальный период (Индия, Пакистан, Уганда, Зимбабве) и, главным образом, в неоколониальный период (континентальная Европа). Основной тезис учёного – в странах, где английский язык не является родным, он становится в первую очередь языком элит. Владеющие английским языком могут контактировать с ино-

* **МАРУСЕНКО Михаил Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта 13-04-00210.

странцами, с ООН, Всемирным банком и т.д. Благодаря этому англофоны имеют возможность принимать решения за тех, кто этим языком не владеет.

В течение пяти веков западные страны формировались и определяли себя в диалектическом отношении ко всему миру. Однако существование единой западной цивилизации – миф, предназначенный для того, чтобы скрывать гегемонию одной супердержавы и создавать видимость того, что остальные европейские нации имеют что-то общее с этой супердержавой [9]. В Европе существуют разные цивилизации: французская, испанская, английская, греческая, русская, австрийская и т.д. Европейцы не составляют единого сообщества, разделяющего одну культуру, одни ценности, принадлежащего к единой цивилизации. Так, французы в культурном отношении ближе к жителям Квебека, чем к немцам или финнам. У них больше общих черт с африканцами, арабами из стран Магриба или Ливана, чем с голландцами или англичанами. Испанцы, естественно, ближе к мексиканцам, чем к шведам. Единственное, что объединяет европейские страны в плане культуры, это порабощение их американской субкультурой.

Решающий шаг для распространения английского языка был сделан во время Второй мировой войны и послевоенный период, когда американское влияние охватило большую часть земного шара. Английский язык работал как средство доставки американской мощи и англо-американской технологии и финансов. Британский и американский варианты английского стали олицетворять для очень многих людей, особенно молодых, надежду на лучшее будущее, материальное благополучие, доступ к профессиональным и научным знаниям. Во всём мире идеи массового потребления, международной торговли, поп-культуры, конфликта поколений и технократии выражаются при помощи американско-английских и британо-английских слов и выражений.

Английский стал мировым языком не только благодаря политическим усилиям. После Второй мировой войны были образованы важнейшие финансовые институты, в которых доминировали США. Выполняя «план Маршалла», американцы самым непосредственным образом участвовали в послевоенном экономическом восстановлении Европы, Японии и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Корейская, а затем вьетнамская войны продолжили процесс расширения американского влияния. Значительную роль в регулировании международных экономических отношений и внедрении свободного рынка в странах, в которых традиционно существовал централизованный контроль, сыграла созданная после Второй мировой войны Бреттон-Вудская система. Многие страны стали открыты для глобальных финансовых потоков, товаров, знаний и культуры, что привело к усилению влияния английского языка.

Сегодня английский – международное средство общения и в сфере науки и технологии, но так было не всегда. Ренессанс британской науки в XVII веке выдвинул научные публикации на английском языке, такие как «Философские транзакции» (*Philosophical Transactions*), основанные Королевским обществом в 1665 г., на передний край мировой науки. Но вскоре английский уступил эту позицию немецкому языку, который оставался доминирующим международным научным языком до Первой мировой войны. Растущее влияние США вернуло английскому языку его роль мирового научного языка.

После Второй мировой войны научные журналы во многих странах стали переходить с публикации на национальном языке на публикацию на англий-

ском. Иногда этот процесс происходил постепенно: так, мексиканский медицинский журнал «Архивы...» (*Archivos de Investigación Médica*) сначала печатал только резюме на английском, позже переводил на английский все статьи, затем был продан американскому издателю и стал принимать статьи только на английском и, наконец, поменял название на *Archives of Medical Research*. Процесс перехода на другой язык происходил повсеместно: в начале 1980-х годов две трети публикаций французских учёных издавались на английском языке. В 1950 г. все статьи в немецком журнале *Zeitschrift für Tierpsychologie* публиковались на немецком языке, а в 1984 г. 95% статей были уже на английском. Два года спустя журнал был переименован в *Ethology*.

Ещё более наглядным стало превосходство английского языка в области книгоиздания. ЮНЕСКО даёт статистику количества названий книг, издаваемых ежегодно в разных странах. Так, Великобритания лидирует в списке стран, представляющих наибольшее число наименований книг. Конечно, в мире есть страны, которые издают книги большими тиражами, но нет стран, печатающих так много разных книг; часть из них идёт на экспорт или вовлекается в глобальный процесс книготорговли, когда издание готовится в одной стране, печатается в другой, а продается в третьей. Трудно сравнивать степень культурного влияния огромных тиражей книг из небольшого списка наименований с книгами широкого спектра наименований, издаваемых небольшими тиражами, но статистика показывает, что огромный объём интеллектуальной собственности, ценность которой увеличивается, создаётся на английском языке.

В выигрыше от этого оказываются США, пользующиеся при этом тремя преимуществами, которых нет у европейских стран [2].

Первое преимущество заключается в практически неограниченной способности США привлекать и обучать интеллектуальные элиты со всего мира: в течение последней четверти XX века американские университеты и исследовательские центры вобрали в себя почти всех лучших чернокожих интеллектуалов планеты, включая и тех, которые учились во Франции, но перед которыми были наглухо закрыты двери французских научных учреждений.

Второе преимущество носит расовый характер. Наличие в США афроамериканского сообщества, средний и буржуазный классы которого успешно интегрировались в политические структуры и очень заметны на культурной сцене, имеет огромную притягательность, несмотря на то что афроамериканцы продолжают подвергаться разным формам дискриминации. Американцы африканского происхождения занимают ответственные должности в армии, федеральном правительстве, в Конгрессе, не говоря уже о том, что нынешний президент США Барак Обама – сын выходца из Кении.

Третье преимущество состоит в том, что культурная глобализация, носителем которой являются США, в таких областях, как музыка, мода, танцы, спорт, кино и т.д., уже очень многие годы подпитывается креативными свойствами африканских диаспор. Многочисленные филантропические заведения (фонды, церкви и пр.) через дотации программам, которые они финансируют, играют значительную роль в «американизации» деловых людей, активистов и африканских элит.

Впервые с конца XIX века возникновение мировой сверхдержавы сопровождалось открытым *империалистическим дискурсом*, оправдывающим при-

менение силы. Один из идеологов американских новых правых Ч. Краутхамер писал, что после Рима ни одна страна не была настолько доминирующей в экономическом, техническом и военном отношении и что США как колосс возвышаются над миром. Так же как XVIII век был французским, XIX – английским, а XX – американским, нынешний XXI век также будет американским [14]. Поэтому американские правые стараются обеспечить безопасность и процветание США с помощью военной силы, подчиняя себе страны третьего мира, свергая правительства непокорных государств, применяя репрессии к тем политикам и государственным деятелям, которые не разделяют их моральные ценности.

Большинство американцев искренне не понимают, почему другие народы противятся языковой ассимиляции, что, с их точки зрения, было бы так просто и позволило бы избежать многих конфликтов. Они считают, что весь мир должен перейти на английский язык и на единую культуру; это соответствует идеологии белых англосаксонских протестантов, согласно которой они избраны Богом для колонизации Америки и должны вести весь мир к свободе и демократии. В рамках данной идеологии навязывание английского языка всему миру – естественное воплощение «Божественного выбора». Доминирование английского практически во всех областях международной коммуникации делает в их глазах многоязычие элементом утопии или фольклора.

Гегемония английского языка – реальная цель США; она достигается путём дискредитации конкурирующих языков, называемых региональными, устаревшими, даже архаичными. Основной недостаток, с точки зрения американцев, – отсутствие универсальности. Они уверены – многоязычие это зло и источник конфликтов. Английское моноязычие, наоборот, представляет собой символ единства и эффективности. Суть американской языковой идеологии сформулировал Р. Барчфилд: *«Любой образованный человек в мире испытывает трудности, если он не знает английского. Конечно, крайняя бедность или голод – самые жестокие и возмутительные формы лишений. Когда объектом становится только язык, они не так заметны, но от этого не менее значительны»* [7].

В секретном отчёте Англо-американской конференции по преподаванию английского языка за рубежом, состоявшейся в 1961 г. была выработана стратегия его распространения: *«Английский должен стать доминирующим языком, заменяющим другие языки и их видение мира; хронологически родной язык должен изучаться первым, но английский язык, благодаря своему использованию и своим функциям, становится основным языком»* [11]. Коалиция в области языковой политики между США и Великобританией и совместные действия в этой сфере рассматривались как инструмент внешней политики обеих стран. Но поскольку отчёт был предназначен для внутреннего пользования, его содержание отличалось от того, что было опубликовано. Британский совет проводил такую политику начиная с 1950-х годов, однако позднее возникла необходимость в координации усилий и устранении конкуренции между двумя государствами. Вскоре после окончания Второй мировой войны, в 1947 г., была создана глобальная разведывательная сеть «Эшелон», в неё вошли США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Все государства – участники этой сети *англоязычные*, и ими было принято решение, что в послевоенном мире английский должен стать доминирующим *мировым языком*.

Уже в тот период главенствующая роль в англо-американском тандеме принадлежала США: *«Преподавание английского языка в мире должно рассматриваться как продолжение задачи, стоявшей перед Америкой, когда речь шла о навязывании английского в качестве общего национального языка её собственному иммигрантскому населению»* [20]. Процесс распространения английского значительно ускорился благодаря укреплению США в роли мировой военной, финансовой и технологической сверхдержавы, вкладывающей в него огромные государственные и частные средства начиная с 1950-х годов.

Говоря о распространении английского языка, не стоит верить рассуждениям о его *особенных* достоинствах, поскольку речь идёт о целенаправленных усилиях по изменению *естественной* эволюции языка и облегчению его *экспансии*. О политических целях и возможных препятствиях на этом пути свидетельствует Р. Филипсон: *«Обучение английскому носителей его не от рождения может радикально изменить всё мировоззрение тех, кто его изучает. Если и когда новый язык становится по-настоящему употребительным в слаборазвитой стране, это меняет всю структуру мировоззрения студентов. Министерство образования, под давлением националистов, не становится хорошим выразителем интересов своей страны. Национальный дух может разрушить всякую надежду английского стать вторым языком»* [16]. Новые независимые государства могут, из националистических соображений, сопротивляться английскому языку, но в таком случае необходимо действовать наперекор их воле. Неанглоязычные страны в состоянии сами определять свою политику, но они нуждаются в *руководстве*, чтобы понять, в чём заключается их благо. Поэтому, если министры образования других стран, ослеплённые национализмом, не соглашались с этой истиной, долг представителей основных англоязычных стран дать им необходимые советы. Англофоны считают, что самым простым и экономичным решением для всего мира стал бы переход на английский язык. Это решение совсем не очевидно для неанглоязычных стран (92% человечества), вынужденных инвестировать огромные суммы в изучение английского языка, в то время как англоязычные страны ежегодно экономят огромные суммы на знании английского и зарабатывают на его преподавании. Великобритания только в *рамках ЕС* экономит на этом не менее 25 млрд. долл. в год. В прежние эпохи англичане и американцы посылали за границу пушки и дипломатов, сегодня они посылают преподавателей английского языка. Далеко не все сторонники пананглийского осознают несправедливый характер такой ситуации, хотя эти 25 млрд. долл. представляют собой подарок, который государства – члены ЕС ежегодно делают Великобритании, соглашаясь на *гегемонию* английского языка. Так, Франция расходует в 4 раза больше средств на изучение иностранных языков, чем Великобритания. США, отменив обязательное преподавание иностранных языков в средних учебных заведениях, ежегодно экономят более 16 млрд. долларов.

Англо-американская языковая политика имеет целью распространение английского моноязычия и сокращение языкового разнообразия и многоязычия, которые очень отрицательно оцениваются в США, особенно после латиноамериканского бума. Английский историк Э. Хобсбаум так объясняет американскую потребность в экспансии: *«Америка – это не просто государство; она стремится изменить весь мир по определённой модели... Американская культурная гегемония имеет политическое измерение, которого не было у британ-*

ской... *Желание выступать в качестве универсальной модели неотъемлемо от американской системы*» [12].

Ещё в 1997 г. ЦРУ представило доклад, в котором отмечалось, что ближайшие годы будут решающими для укрепления английского в качестве *единственного* международного языка. Особый акцент в докладе делался на быстроте действий, *«пока ещё во всём мире не развернулись многочисленные враждебные реакции против США, их политики и американизации планеты»* [8]. ЦРУ опасалось, что, если слишком долго выжидать, результат станет плачевным. Неотложной задачей разведывательное управление считало организацию атак на *национальные* законодательства, защищающие *национальные* языки.

К. Райс, госсекретарь США при президенте Дж. Буше-мл., заявила в 2002 г.: *«Остальному миру будет выгодно, что Америка защищает свои собственные интересы, потому что американские ценности универсальны»* [11]. Однако почему-то *вселенские* ценности всегда оказываются связанными с англосаксонской глобализацией и с использованием одного английского языка, при отказе от китайского, арабского, французского, испанского, русского, португальского и т.д.

В США самые ярые защитники пананглийского и единой культуры – белые англосаксонские протестанты, придерживающиеся мифа о *божественном выборе*. Самым видным представителем их был президент Дж. Буш-младший.

Однако с очень давних времен существует функциональная дифференциация языков. Ещё император Карл V Габсбург (1500–1558) замечал: *«Я говорю по-английски с торговцами, по-итальянски с женщинами, по-испански с Богом, по-немецки с моим конём»*.

Американский истеблишмент придерживается другой точки зрения, сформулированной техасским политиком М. Фергюсоном в ходе дебатов о провозглашении английского официальным языком: *«Если уж Иисус Христос довольствовался английским языком, Техасу также достаточно его»* [11]. Полное игнорирование истории свидетельствует о крайнем эгоцентризме американцев, просто не желающих знать, что Иисус говорил по-арамейски, а Библия была написана на древнееврейском языке.

Это не удивительно, если учесть, что президент Дж. Буш-мл. был убеждён, что мексиканцы говорят на мексиканском языке, кубинцы – на кубинском, бразильцы – на бразильском языке и т.д. В беседе с Т. Блером, содержание которой было воспроизведено в газете «Таймс» от 10 июля 2001 г., Буш заявил: *«Проблема французов в том, что у них нет слова предприниматель (в тексте – entrepreneur – М.М.)»*. Буш не знал, что *entrepreneur* – это заимствование из французского языка. Специально для обозначения таких перлов американские газеты изобрели термин *«бушизм» (Bushism)*.

К сожалению, сегодня не только англосаксы убеждены в превосходстве своего языка над всеми остальными языками. Другие нации, стремясь избежать *языкового апартеида*, также хотят пользоваться английским языком. Эти нации и сами сообщники англо-американского языкового империализма, хотя жалуются на *маргинализацию* своих национальных языков. Разделяя идеологию проанглийского либерализма, они тоже способствуют распространению английского языка. Так, две мировые державы, Россия и Китай, вышедшие из экономической изоляции и решившие участвовать в экономической глобализации, стали активно развивать изучение английского языка.

Чем шире распространение английского языка, тем сильнее влияние колониального типа, которое США, а за ними Великобритания, оказывают на *национальные государства*. Нельзя забывать, что настоящую выгоду от глобализации всегда будут получать только англосаксы, заинтересованные в распространении английского в ущерб другим. Любая международная организация, использующая английский язык, автоматически попадает под контроль *англофонов по рождению*, единственных, кто может гарантировать качество документов и переводов.

Американцы считают любую попытку сопротивления доминированию английского языка *арьергардными боями*, обречёнными на поражение. В редакционной статье журнала «Экономист» приводятся рассуждения о причинах распространения английского в мире [19]. Автор издевается над французским языком и законодательными попытками французов и квебекцев остановить спад в использовании французского языка, называя это *абсурдной языковой политикой*. Вообще французы стали любимым и безопасным объектом издевательства для американцев в отличие от итальянцев, немцев, евреев и греков, миллионы потомков которых образуют немалую часть американского электората, в то время как франкоязычного лобби в США просто не существует.

В международном плане английский постепенно вытесняет другие *международные языки*, например, французский, испанский, арабский и русский; это происходит не из-за большой любви к американцам. После терактов 11 сентября 2001 г. они, считающие себя объектом восхищения и зависти всего мира, с удивлением констатировали: есть люди, смертельно ненавидящие их.

Во всех концепциях современного языкового империализма намеренно преувеличивается роль *языка* как такового и совершенно недооценивается роль *политиков* и *носителей языка*, а также экономических и социальных ситуаций, складывающихся в разных странах. Сегодня многие люди предпочитают говорить *о языковом доминировании*, представляя этот факт как естественный, вполне приемлемый процесс, сопровождающийся, однако, стремлением носителей языка к политическим, экономическим и культурным завоеваниям.

У. Эко так объясняет причины этого процесса: «*Нынешний успех английского – совместный результат колониальной и торговой экспансии Британской империи и гегемонии технологической модели Соединённых Штатов. Вполне вероятно, что распространение английского облегчается тем, что этот язык богат односложными словами, способен вбирать в себя иностранные термины и создавать неологизмы; но если бы Гитлер победил, а Соединённые Штаты были бы низведены до уровня конфедерации крохотных государств, не более сильных и стабильных, чем государства Центральной Америки, разве нельзя выдвинуть гипотезу, согласно которой весь земной шар сегодня с такой же легкостью заговорил бы по-немецки, и по-немецки рекламировались бы японские транзисторы в duty free shop (или тогда уж Zollfreie Waren) гонконгского аэропорта?» [4, с. 339].*

Быстрое продвижение английского языка во многих регионах мира привело к изменению представления о его принадлежности. Он используется независимо (без участия его носителей от рождения) в интересах носителей английского как *второго языка*. Даже в бывших колониальных странах он уже не воспринимается как колониальный язык и используется, исходя из чисто прагматических соображений. Так, *английский* – официальный язык *Ассоциа-*

ции стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которую нельзя считать ни британской, ни проамериканской. Преимущества же, получаемые англоязычными странами в период распространения английского языка, являются временными и действуют только в течение *переходного периода*. Всё большее число молодых людей в мире начинают изучать английский с детского возраста и успешно конкурируют с носителями английского от рождения за литературные и журналистские премии.

Чаще приходится констатировать, что влияние широко распространённого языка на менее распространённые языки оказывается особо губительным в области *специальных языков*, в которой специалистам становится всё труднее общаться на своём, родном языке. Это явление получило название *потери функциональности* (англ. *domain loss*, франц. *perte de domaines*, *perte de fonctionnalité*), оно возникает в случаях, когда в определённых областях деятельности исчезает возможность *говорить, работать, учиться и преподавать* на родном языке. Таким образом, потеря функциональности – это потеря возможности коммуникации на всех уровнях языка в определённой области из-за недостаточного развития ресурсов специальных языков [15].

Уже достаточно давно эта сложная проблема привлекает внимание лингвистов, занимающихся языковым строительством в северных и скандинавских странах*, а также специалистов, тесно связанных с разработкой терминологий на национальных языках.

Потеря функциональности – прямое следствие перевода языковых практик научно-педагогических и технических специалистов на иностранный язык. Большинство этих работников ведут научные исследования, преподают и пишут на *родном языке*, а когда наступает момент подготовки к публикации, они, подчас с большим трудом, переводят свои тексты на *английский язык*. Однако по мере совершенствования знаний языка и увеличения числа образовательных программ на английском, наступает момент, когда терминология на национальном языке перестаёт передаваться поколению студентов, которое очень скоро оказывается неспособным формулировать свои знания на *родном языке*.

Такая ситуация свидетельствует о начале конца национального языка. Так случилось, например, со *шведским языком*, который стал первым *национальным европейским языком*, потерявшим свой статус *универсального языка*, т.е. пригодного для использования во всех сферах коммуникации. Уже давно языком для получения специального образования в Швеции служит английский язык, и шведы ощущают реальную опасность. Как писала шведская газета «Дагбладад», «статус шведского языка не так очевиден, как в прошлом. В некоторых кругах, особенно среди людей с высоким уровнем технического, медицинского и естественнонаучного образования, шведский практически заменён английским... Защитники языка опасаются, что в ближайшие годы шведский подвергнется такому же отступлению в других секторах производственной жизни и политики» [18].

Получается, что, если шведы не примут соответствующие меры, *шведский* присоединится к группе *неуниверсальных* языков, таких как *финский*, ставший национальным языком Финляндии только в 1963 г. (наравне со шведским). Финские специалисты в области физики, информатики, философии пишут

* Дания, Гренландия, Исландия, Норвегия, Швеция, Фарерские острова, Финляндия.

свои работы на *английском* так же, как раньше они писали их на *шведском* или *немецком*, не ощущая неудобства от доминирования *английского языка*. *Финский* язык никогда не был *универсальным*, несмотря на более чем пяти-сотлетнюю литературную традицию.

Наиболее остро языковая проблема проявляется в сфере высшего образования и научных исследований. В области естественных наук 70% учебных занятий проводятся на английском языке, на котором публикуется, к тому же, 87% научной периодики. Подавляющее большинство учебно-научной литературы издано на английском языке, в результате чего студентам трудно участвовать в научных беседах на *шведском* языке. Основными источниками тревоги научное сообщество называет такие как использование учебных пособий, большая часть которых написана на английском; чтение лекций, например, по медицине, исключительно на английском; обязательное представление дипломных работ на английском. Практически все *докторские диссертации* пишутся на английском языке; для диссертаций же, написанных на шведском, обязательно прилагаются резюме на *английском*. Что же касается диссертаций, написанных на английском, то резюме на *шведском* для них не требуется [17].

За наукой и образованием следует сфера *бизнеса* – английский всё чаще становится рабочим языком в частных компаниях, причём, чем выше занимаемая должность чиновника, тем больше его стремление к использованию английского языка.

Большая опасность потери функциональности существует в сфере *международной политики*. Хотя вступление Швеции в Европейский Союз в 1995 г. способствовало поднятию престижа шведского языка, он очень редко используется европейскими парламентариями и чиновниками*.

Последствия потери функциональности шведского языка в разных областях уже отражаются на населении Швеции. Создаётся ситуация, когда английский де-факто служит *публичным* языком (образование, государственное управление, производственная жизнь), а шведскому остаётся сфера повседневного *домашнего* общения.

Такое положение, при котором сосуществуют *высокий* и *низкий* языки, – не редкость и характерно для многих *постколониальных* стран, в которых бывший *колониальный язык* используется в *системе образования*, в то время как население говорит на другом языке (языках). Опыт таких стран не заслуживает подражания: в целом, для них нормой является низкий уровень образования и социальная напряжённость.

По столь же саморазрушительному пути идут и другие языки, например, *норвежский*, *датский*, *нидерландский* и даже *немецкий*. В Норвегии Совет по норвежскому языку принял план действий по противодействию потере функ-

* В Европейском Союзе, несмотря на декларируемое равенство языков всех государств-членов, признаётся существование так называемых полуйскусственных (или возрождённых) языков (термин, введённый ещё Э. Сепиром), к которым относятся национальные языки новых независимых государств, ранее входивших в состав распавшихся империй (Австро-Венгрии, России), а после Второй мировой войны оказавшихся в составе СССР или других многонациональных государств, например, Югославии. В силу исторических условий эти языки никогда не выполняли всей совокупности «высоких» функций языка, а в условиях глобализации коммуникацию на этих уровнях обеспечивает английский язык. К этой же группе почему-то относятся украинский и белорусский языки.

циональности родного языка в сфере *образования*. Что касается менее распространённых языков, например, *лапландского (саамского)* или *гренландского (эскимосского)*, там ситуация резко отличается, потому что уже давно многие из них были безвозвратно потеряны или даже не существовали вообще.

В подобной же ситуации оказываются и такие сильные языки, как, скажем, *французский*. Потеря языковой функциональности затронула не только образование и науку, что проявляется во всех странах, но и такую область, где, казалось, у французского не было конкурентов – спорт. Французский – *официальный язык* для 68% спортивных организаций и федераций. Правило 23-й *Олимпийской хартии* однозначно указывает: «1. *Официальные языки МОК – французский и английский языки... 3. В случае несоответствия текстов Олимпийской хартии и любого другого документа МОК на французском и английском языках, текст на французском языке имеет преимущество, если иное не оговорено в письменном виде*» [3, с. 25].

Однако статистика устных и письменных переводов, частота использования официальных и рабочих языков в спортивных организациях свидетельствует об *откате* французского и других официальных языков (немецкий, испанский, русский и арабский). Даже такой вид спорта, как *фехтование*, родившийся во Франции и исконная терминология которого создавалась на *французском языке*, до недавнего времени звучавшем на всех фехтовальных дорожках мира, подвергается сильному давлению англоязычных стран. После введения видеоарбитража арбитры общаются друг с другом на английском, а избрание российского предпринимателя А. Усманова президентом *Международной федерации фехтования* привело к тому, что английский язык стал *языком-посредником* Исполкома МФФ [13]. Символическое использование французского языка в Олимпийском движении – всего лишь дань уважения его основателю – Пьеру де Кубертену.

Происходящее обеднение национальных языков может привести к разделению соответствующих *обществ* на тех, кто владеет английским, и тех, кто им не владеет. Это представляет прямую *угрозу демократии*. В качестве единственной меры противодействия расколу общества предлагается развивать сначала частичное, а затем и полное школьное образование на *английском языке*, чтобы какая-либо страна не оказалась на задворках глобализованного и конкурентного мира.

Процесс *потери функциональности* может распространиться на другие языки и государства. Поэтому огромная ответственность лежит на руководителях университетов, принимающих решения, могущие иметь тяжёлые последствия, о которых они даже не подозревают. Необходимо предварительное демократическое обсуждение, в котором могли бы свободно высказываться все участники процесса. Пока что дискуссии не ведутся ни в университетах, руководители которых навязывают использование английского языка (считая, что это пик прогресса), ни в среде политиков, не отдающих себе отчёт в опасности, ни в СМИ [10].

Причины, по которым принимаются решения в пользу английского языка, различны. Две из них лежат на поверхности: убеждённость, что свой, *национальный язык* не имеет будущего и *глобалистский конформизм* руководителей. Есть и третья, неназываемая причина, когда делаются заявления, что открытие программ на английском языке необходимо для привлечения ино-

странных студентов. Это значит, что уже созданы особые условия для будущих иностранных студентов из семей, предусмотрительно вложивших средства в обучение своих отпрысков *английскому* языку, включая, в частности, и зарубежные стажировки.

Первое поколение – элита, получившая *высшее* образование на *английском* языке, естественно, захочет передать свои привилегии *своим детям*. Это приведёт к переносу английского, как языка образования, на уровень *среднего* образования, и во многих странах уже существуют школы, учебный процесс в которых ведётся полностью на английском языке.

Наглядный пример двойного подхода, характерного для американской политики – отношение к многоязычию внутри страны и за её пределами. В то время как внутри США происходит разворот от политики ассимиляции к политике мультикультурализма (от «плавильного котла» к «салатнице») [1], неотъемлемой частью которого является мультилингвизм, внешний языковой империализм резко отрицательно относится к мультикультурализму.

Реализуемая в большинстве таких стран политика мультикультурализма становится объектом критики, которая отталкивается от *двух точек зрения*. Первая – *философская* утверждает, что мультикультурализм несовместим с базовыми *либерально-демократическими* принципами. В течение многих лет, особенно в 1980–1990-е годы, эта точка зрения была доминирующей в научной литературе. Но с середины 1990-х годов на смену ей пришёл новый *эмпирический* аргумент против политики мультикультурализма: она не позволяет сохранять сильное *государство всеобщего благосостояния*^{*}, потому что её применение разрушает межличностное доверие, социальную солидарность и политические коалиции, на которых основана концепция государства всеобщего благосостояния.

Часто эти два вида критики – философская и эмпирическая – используются вместе [5]. Так, исследователи, считающие, что мультикультурализм имеет своей основой философский либерализм, так же легко соглашаются, что он разрушает государство всеобщего благосостояния.

Прилагательное *мультикультурный* используется в социологическом и демографическом контекстах и относится к обществу с высоким уровнем этнического или расового разнообразия. Общество считается мультикультурным в демографическом смысле, если оно включает расовые или этнические меньшинства, независимо от того, как государство к ним относится. Некоторые исследователи полагают, что *демографический мультикультурализм* сам по себе представляет угрозу для государства всеобщего благосостояния. Он затрудняет его достижения, независимо от того, активно ли поддерживает государство расовое разнообразие или только терпит его. Считается, что страны с *расово однородным* населением и принимающие немного иммигрантов, легче и быстрее могут построить государство всеобщего благосостояния, чем страны с большим демографическим разнообразием.

^{*} Государство всеобщего благосостояния (социальное государство, государство всеобщего благоденствия, нем. – *Sozialstaat*; англ. – *Welfare state*) – политическая система, перераспределяющая материальные блага в соответствии с принципом **социальной справедливости** ради достижения каждым гражданином достойного **уровня жизни**, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся ([http://ru.wikipedia.org/wiki/Социальное государство](http://ru.wikipedia.org/wiki/Социальное_государство), дата обращения: 02.16.2013).

Рассмотрим основные *обвинения* в адрес правительств, применяющих политику мультикультурализма.

Эффект вытеснения (the crowding out effect). Политика мультикультурализма снижает эффективность *перераспределения средств*, отвлекая время, энергию и деньги в пользу поддержки мультикультурализма. Ответственные лица вместо того, чтобы активно заниматься перераспределением средств или защитой государства всеобщего благосостояния от бюджетных сокращений, вынуждены тратить своё время на решение проблем мультикультурализма. Так, например, Университет штата Калифорния в Лос-Анджелесе упорно боролся против увеличения числа студентов, принадлежащих к меньшинствам. В то же время, это учебное заведение оставило практически без внимания большие сокращения бюджета образовательной системы штата, которые затрудняли студентам из меньшинств возможность оплачивать учёбу в университете. И так получилось, что общественная энергия и активность, которые должны были быть направлены на защиту государственного образования, расходовались на склоки с потенциальными союзниками.

Коррозионный эффект (the corroding effect). Политика мультикультурализма мешает перераспределению из-за *коррозии* доверия и солидарности граждан. Мультикультурализм разрушает *солидарность*, поскольку он подчёркивает *различия* между гражданами, а не их *сходство*. Исторически, население поддерживало государство всеобщего благосостояния и соглашалось на жертвы в пользу своих обездоленных сограждан, потому что относилось к ним как к своим, разделяя с ними *общую* идентичность и чувство *единой* принадлежности. Мультикультурализм разрушает эту общую идентичность, говоря гражданам, что принадлежность к *различным* этнокультурным группам важнее чем то, что их объединяет, и что сограждане, принадлежащие к разным расовым группам, разнятся между собой.

Признание миноритарных групп в рамках мультикультурализма влечёт за собой возникновение *исторической обиды* за патерналистское и снисходительное отношение доминирующего сообщества, включающее унижения по расовому признаку во время школьного обучения, в СМИ и т.д. Ощущение обиды ведёт к недоверию между членами разных групп и затрудняет создание *межэтнических коалиций*.

Другой причиной разрушения солидарности служит мультикультурализм в форме *институциональной сегрегации*. Группы, живущие как бы в параллельных мирах, с трудом находят взаимопонимание; у них не формируется привычка к сотрудничеству и доверию. Соответственно, существуют *две концепции* мультикультурного образования: *первая* требует, чтобы все дети обучались по единым программам, включающим информацию обо всех группах, проживающих в данной стране, *вторая* желает создания отдельных школ с разными программами для разных групп. Второй вариант особенно вреден для создания климата доверия и солидарности.

Ещё существует эффект *ошибочного диагноза (the misdiagnosis effect)*: когда мультикультурализм внушает людям неправильное представление о проблемах, с которыми сталкиваются меньшинства. И они начинают думать, что проблемы миноритарных групп коренятся, прежде всего, в непризнании их *культур*, и что решение этого вопроса лежит на пути государственного признания *этнических идентичностей* и *культурных практик*. На деле же, такие

решения не дают большого результата, потому что корни настоящих проблем лежат гораздо глубже.

Эффект ошибочного диагноза проявляется в двух вариантах: в первом утверждается, что акцент на культурных различиях отвлекает внимание от расовых различий – основной проблемы, стоящей перед такими группами, как афроамериканцы. Как пишет американский исследователь Б. Барри, «*расисты презирают не культуру чёрных, а самих чёрных. Не конфликт между чёрной и белой культурами служит источником расовых столкновений. Сумма знаний об архитектурных памятниках Нубии не гарантирует уважения к афроамериканцам... Культура – это не проблема, и это не решение проблемы*» [6].

Во втором варианте говорится о том, что акцент на расовых и этнических различиях отвлекает внимание от *классовой принадлежности*. Реальной проблемой является не непризнание культуры, а экономическая маргинализация. Её решение – не проведение политики мультикультурализма, а улучшение положения данной группы на рынке труда, расширение доступа к хорошо оплачиваемой работе, получение образования и т.д. Мультикультурный подход создаёт у людей впечатление, что плохо оплачиваемые пакистанские иммигранты в Великобритании нуждаются в том, чтобы их *культура, религия, желание носить национальную одежду* получили более высокий социальный статус. В реальности же они все нуждаются в *приличном жилье, образовании и хорошо оплачиваемой работе*. Эту потребность вместе с ними разделяют обездоленные члены других *этнических групп*, и она может быть удовлетворена, только если в обществе возникнет *классовый межэтнический союз*.

Оба варианта этого эффекта сходны в том, что политика мультикультурализма не только отвлекает энергию от насущных *расовых и классовых* проблем, но и мешает народам понять *причины* их страданий, поскольку она не принимает во внимание *реальный расизм и классовое неравенство*. Маккиавеллическая версия этого эффекта гласит, что *правые политики и экономические элиты* проводят политику мультикультурализма именно для того, чтобы отвлечь людей от *расизма и экономической маргинализации* [5].

Список литературы

1. Марусенко М.А. Внутренний языковой империализм США // США ❖ Канада. 2013. № 10. С. 35–48.
2. Марусенко М.А. Языковая политика Франции. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2012.
3. Олимпийская хартия (в действии с 08.07.2011). Международный олимпийский комитет, 2010.
4. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Alexandria, 2007.
5. Banting K., Kymlicka W. Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State // Ethics & International Affairs. September 2006. Vol. 20. Issue 3.
6. Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge: Polity Press, 2001.
7. Burchfield R. The English Language. Oxford: Oxford University Press, 1986.
8. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

9. *El Tibi Z.* Face à la globalisation, le salut des cultures passe par la souveraineté des nations // La revue du Liban

(<http://www.rdl.com.lb/2009/q1/4190/index.html>30.6.01 (дата обращения: 13.05.2013)).

10. *Frath P.* L'enseignement et la recherche doivent continuer de se faire en français dans les universités francophones

(<http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=perte%20de%20domaine&source=web&cd=155&ved=0CEYQFjAEOJYB&url=http%3A%2F%2Fwww.res-per-nomen.org%2Frespernomen%2Fpubs%2Fdid%2FDID27-Pfrath-univ-frangl.doc&ei=C5FIUJuLKofh4QTL94HgBg&usg=AFQjCNH8rTUdUiuOt> (дата обращения: 20.06.2013)).

11. Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais (http://www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-8histoire.htm

дата обращения: 12.02.2013)).

12. *Hobsbawm E.* Les enjeux du XX siècle, entretien avec Antonio Polito. Bruxelles : Editions Complexe, 2000.

13. *Jaberg S.* Sur le terrain du sport, le français joue sa survie

(http://www.swissinfo.ch/fre/Dossiers/LArchipel_francophone/La_politique_en_jeu/Sur_le_terrain_du_sport,_le_francais_joue_sa_survie.html?cid=28279262

дата обращения: 13.11.2012)).

14. *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment – America and the World 1990 // Foreign Affairs. Winter 1990/1991. Vol. 70. No. 1.

15. *Laurén Ch., Myking J., Picht H.* Language and Domains: A Proposal for a Domain Dynamics Taxonomy // LSP & Professional Communication. 2002. Vol. 2. No. 2.

16. *Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford, 1992.

17. Pourquoi la langue maternelle est-elle importante?

(<http://www.2-2.se/fr/11.html>, дата обращения: 16.06.2013).

18. Sydsvenska Dagbladet. 19.03.2008

(http://www.eurotopics.net/fr/home/presseschau/archiv/archiv_newsletter/NEWSLETT-ER-2008-03-19, дата обращения: 30.01.2013).

19. The Triumph of English. A World Empire by Other Means. English Becoming the New World Language // The Economist. 20.12.2001

(<http://www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/USA-Economist-ANGLAIS2001.htm>, дата обращения: 06.04.2013).

20. *Troiike C.* The Future of English // The Linguistic Reporter. May 1977.